

НАРОДНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

I

Къ числу несомнѣнныхъ, купленныхъ опытомъ фактовъ нашего времени, принадлежитъ тотъ фактъ, что въ сущности нѣтъ уже болѣе теперь у насъ двухъ направлений, — лѣтъ за десять тому назадъ рѣзко-враждебно стоявшихъ одно противъ другаго, — *западнаго* и *восточнаго*. Фактъ этотъ пора засвидѣтельствовать для общаго сознанія; ибо для сознанія отдѣльныхъ лицъ, для сознанія каждаго изъ насъ, пишущихъ и мыслящихъ людей, онъ уже засвидѣтельствованъ давно. Это засвидѣтельствованіе конечно обошлось весьма многимъ изъ насъ довольно дорого, — потомучто не легко вообще разставаться съ служеніемъ какимъ бы то ни было идоламъ, — но тѣмъ не менѣе совершилось во всѣхъ добросовѣстно и здраво-мыслящихъ людяхъ. О недобросовѣстно-мыслящихъ, о

привилегированных жрецахъ кумировъ и о нездравомыслящихъ, запуганныхъ кумирами до потемнѣнія сознанія, говорить нечего. Засвидѣтельствовать правду всякаго факта и идти отъ него дальше, идти впередъ способны бываютъ только тѣ, кто, вступая на новый берегъ, сами сжигаютъ за собою корабли, да простодушное, тысячеголовое дитя, называемое массою, которая по инстинктивному чувству идетъ неуклонно впередъ. Жрецы постоянно желаютъ воротить мысль назадъ по той простой причинѣ, что имъ это выгодно, что назади у нихъ есть теплый и почотный уголь; пугливое же нравственное мѣщанство такъ же инстинктивно, по чувству самосохраненія, держится за полы жреческихъ ризъ, какъ инстинктивно, по чувству жизни, по вѣрѣ въ жизнь, влечется впередъ масса. Это — общій законъ, который припомнить однако непременно слѣдуетъ, говоря о такомъ значительномъ вопросѣ, какъ вопросъ о народности.

Что самый фактъ перехода вопроса о нашей народности въ совершенно другой

вопросъ совершился, это очевидно изъ самаго поверхностнаго взгляда на дѣло. Исключительно-народное воззрѣніе славянофильства не встрѣтило въ массѣ сочувствія и, постигнутое какимъ-то рокомъ, потеряло самыхъ блестящихъ своихъ представителей. Исключительно-западное воззрѣніе, сплотившееся въ немногомъ числѣ своихъ послѣднихъ, запоздалыхъ представителей въ «Атенеѣ» — явилось для публики мрачнымъ воззрѣніемъ кружка и встрѣчено было не только равнодушіемъ, но даже негодоваіемъ, когда выставило свои крайнія грани, свое печальное убѣжденіе въ томъ, что австрійскій солдатъ является цивилизаторомъ въ славянскихъ земляхъ. А вѣдь менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ, можно было безнаказанно, въ порывѣ увлеченія теоріею, проповѣдывать напимѣръ, что Турція, какъ организованное цѣлое, какъ государство, должна пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ неорганизованный сбродъ славянства, ея порабощеннаго. И тоже менѣе чѣмъ за

двадцать лѣтъ слово: «славянофилъ» было позорнымъ прозвищемъ!

Въ двадцать лѣтъ много воды утекло. Славянофильство хотя и пало, но пало со славою. Западничество же дожило до грустной необходимости сказать свое послѣднее слово, и слово это — единодушно, единогласно, такъ сказать всею землею, было отвергнуто съ негодованіемъ. Да и нельзя иначе: славянофильство вѣрило слѣпо, фанатически въ невѣдомую ему самому сущность народной жизни, и вѣра вмѣнена ему въ заслугу. Западничество шло противъ теченія: оно не признало и не хотѣло признать явленій жизни; оно упорно отрицало въ литературѣ и въ быту народномъ то, что на глазахъ всѣхъ и cadaго или выросло или раскрылось могучаго и крѣпкаго въ послѣднее десятилѣтіе. Мимо его прошли намѣренно или ненамѣренно имъ незамѣченныя силы; имъ слѣпо отрицались такія явленія, какъ значеніе общины, Островскій съ міромъ раскрытой имъ жизни; пѣсни народа, какъ

будто поднимавшіяся изъ подъ спуда; рѣчь народная, вливавшаяся живительной струею въ литературу; поворотъ нравственный къ семейному началу, діаметрально противоположный исключительному протесту и отрицанію сороковыхъ годовъ; возникшая любовь къ преданію, — сильное и быстрое распространеніе изученія роднаго быта; а главнымъ образомъ — западничество не хотѣло обратить даже вниманія на правдивыя и порожденныя болѣе-свободнымъ разъясненіемъ фактовъ обличенія петровской реформы, на разоблаченія ея несостоятельности въ началахъ и послѣдствіяхъ, несостоятельности, за которую мы и наше время являемся неоплатными должниками. Оно твердило свою старую пѣсню, что Петръ вдвинулъ насъ въ кругъ міровой общечеловѣческой жизни, — пѣсню, о правдѣ которой ни одинъ здравомыслящій человѣкъ съ нимъ и прежде не спорилъ и теперь не споритъ, и не хотѣло дать въ этой общей міровой жизни права нашей народной особенности, упорно стремилось

заставить насъ повторять чужую жизнь и много—много что рабски продолжать ее въ наукѣ, и еще въ быту общественномъ, — забывая, что въ природѣ вообще нѣтъ и не можетъ быть повтореній, что ни одинъ листъ не похожъ на другой на деревѣ, что не было племени, кромѣ племенъ совершенно отчужденныхъ отъ челоуѣчества, которое бы не внесло чего—либо своего въ міровое движеніе. А тутъ передъ нимъ было не какое—либо видовое племя, а цѣлый особый отдѣлъ индо—европейской расы — славянство, отдѣлъ столь же значительный и древній, какъ еллинство или его любимое германство.

Кромѣ того, исключительное западничество шло такъ далеко въ своей вѣрѣ «въ—прогрессъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ подчиняло идею прогресса теоріи, созданной германствомъ и романствомъ, что всю жизнь предковъ и всякую жизнь, не подходившую подъ эту условную теорію, лишало какого бы то ни было челоуѣческаго значенія, отчисляло прямо къ звѣрству. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ

трудомъ. Но доведите даже и теперь любого исключительнаго западника (попадаютъ такіе и теперь, но уже рѣдко) до наивной послѣдовательности мысли, и онъ долженъ будетъ сказать вамъ свое затаенное, задушевное убѣжденіе, что Владиміръ Мономахъ напимѣрь, Мстиславъ Мстиславичъ, Прокопій Ляпуновъ и Мининъ были (по его мнѣнію конечно) въ сущности не люди, а звѣри, *во-первыхъ* потомучто родились въ XI, XII и XVII столѣтіяхъ, а не въ XIX, *во-вторыхъ* же потомучто не имѣли счастья принадлежать къ единственно-человѣческой германо-романской породѣ... Презрѣніе западниковъ къ родному быту и къ его преданіямъ точно также доходило и подчасъ даже доходить теперь еще до положительныхъ нелѣпостей. Весьма недавно высказана напимѣрь была въ «параллеляхъ» г. Палимпсестова, напечатанныхъ въ «Русскомъ Словѣ», между множествомъ дѣльнаго, та дикая мысль, что полезно было бы замѣнить

пѣсни нашего народа чѣмъ—либо болѣе соответствующимъ «нравственности».

Такого посягательства на свои коренные основы не простить ни одна жизнь, хоть бы даже она была и звѣриная. Такое посягательство совершаемо было притомъ и совершается во имя узкой теоріи, во имя условнаго идеала образованности и нравственности, — какъ будто бы *внѣ* его, этого германо—романскаго идеала, ничего не было въ прошедшемъ и будущемъ для человѣчества.

Западничество съ готовыми мѣрками, со взятыми на прокатъ данными приступало къ живой жизни. Въ этомъ его сила, въ этомъ же пожалуй и его историческая заслуга. Нѣтъ сомнѣнія, что романо—германскій міръ своимъ долгимъ и славнымъ существованіемъ выработалъ великіе общественные, нравственные и художественные идеалы, какъ нѣкогда выработалъ таковыя же міръ еллино—римскій. Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ какой новой жизни идеалы эти не должны пройти безслѣдно; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что

всякая новая жизнь имѣетъ собственныя могучія силы творчества, носить въ себѣ свои идеалы, которые отрицать ради прежнихъ, готовыхъ и выработанныхъ, какъ бы блестящи эти прежніе ни были, — и грѣхъ, да и фактически невозможно.

На теорію западничества, уничтожавшую жизнь въ крайнихъ логическихъ послѣдствіяхъ своихъ, отвѣчало и славянофильство не меньшими крайностями, въ особенности же въ пылу битвы. Ясное теперь дѣло, что ни широкая и многосторонняя натура Хомякова, ни глубокой умъ И. В. Киреевскаго не были чужды пониманія красоты и величія идеаловъ западной жизни, тѣмъ болѣе, что и тотъ и другой, да и все славянофильство, на этихъ идеалахъ воспитались; что съ германскимъ раціонализмомъ оба нынѣ спящіе въ могилахъ благородные борцы сражались оружіемъ того же раціонализма. Но въ пылу битвы, заведенные въ логическія крайности, они, и еще болѣе ихъ слѣпые послѣдователи, отвѣчая на теорію западничества, постоянно увлекались тоже

въ теорію, которая въ сущности, какъ и всякая теорія, мало уважала живую жизнь. Имъ выставляли западные идеалы развитія за конечное слово челоѡчности. Не мирясь съ такою конечностію, чую въ жизни ихъ окружавшей новыя силы, хотя только что чую, а не зная ихъ, они доходили путемъ противорѣчія до того результата, что западъ отжилъ, что тамъ, по выраженію высокаго хомяковскаго стихотворенія, —

Свѣтила блѣдныя мерцають догорая,

и въ поэтическомъ одушевленіи новою вѣрою вzywали:

Проснися, дремлющій востокъ!

Рьяные послѣдователи ихъ фанатически проповѣдывали уже въ видѣ догмата мысль о томъ, что западъ отжилъ, что основы его жизни разбиты или разбиваются, сходясь впрочемъ въ этомъ съ крайними теоретиками самого запада. Грязные же адепты мракобѣсія и существующаго

подхватывали слова, что западъ отжилъ, и переводили ихъ словами, что западъ сгнилъ; изъ чего ео ipso выходилъ странный для многихъ, хотъ вовсе не логическій результатъ, что у насъ все процвѣтаетъ, «тишь да гладь, Божья благодать!» На сколько такой выводъ несвѣйственъ былъ всѣмъ благороднымъ представителямъ славянофильства — оказалось ясно какъ день изъ всей ихъ энергической, хотъ и безуспѣшной дѣятельности въ «Сборникахъ» и въ «Бесѣдѣ». Покойный Хомяковъ говорилъ часто, что Англія лучшее изъ *существующихъ* государствъ, а славянство лучшее изъ *возможныхъ*, да вслѣдъ затѣмъ съ злою и грустною ироніей прибавлялъ всегда, что можетъ быть такъ оно и останется лучшимъ изъ *возможныхъ*.

Горькій смыслъ этой ироніи слишкомъ прямо противорѣчилъ непрошеннымъ выводамъ адептовъ мрака, чтобы благородное направленіе славянофильства нужно было оправдывать въ какой-либо связи съ ученіями «Маяка» и иныхъ мрачныхъ изданій.

Западничество, во имя своихъ готовыхъ идеаловъ, отрицало всякое значеніе жизни, прожитой нами до петровской реформы; не зная этой жизни и даже чуть-чуть что не хвастаясь своимъ незнаніемъ, оно ругалось надъ нею при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, мѣрило нашу исторію, преданія, сказки, пѣсни, нравственныя понятія идеалами германо-романскаго міра и, не находя въ нашемъ ничего подходящаго къ этимъ готовымъ идеаламъ, отворачивалось отъ всего нашего съ омерзеніемъ. Славянофильство, тоже мало зная жизнь народа изъ самой жизни, но зато грубоко знакомое съ исторією старой письменности и ловившее съ благоговѣніемъ все записываемое, однимъ словомъ — изучавшее родной бытъ, постепенно доходило до теоріи, что наша жизнь совсѣмъ иная жизнь, совсѣмъ особенная, ничего общаго съ западною жизнію не имѣющая, управляемая совершенно новыми, ни къмъ еще не раскрытыми таинственными законами, особыми, новыми нравственными понятіями. Гдѣ

таинственность — тамъ вѣра, а пока вѣра не опредѣлилась въ догму, она сопутствуется постоянно фанатизмомъ, какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ.

Keimt ein Glaube neu,
Wird oft Lieb' und Treu'
Wie ein bases Unkraut
ausgerauft, (*)

какъ сказалъ одинъ изъ самыхъ вѣщихъ поэтовъ.

Но передъ славянофильствомъ опять—таки стоялъ идеаль, стояла *возможность*, стояло будущее, долженствовавшее, по его убѣжденію, родиться изъ доселѣ невѣдомой, доселѣ какъ бы подъ спудомъ лежавшей жизни. Мракобѣсіе перевело эту мысль на свой языкъ; оно готово было взять существующее, дѣйствительность за идеаль жизни. Кто читалъ глубокія, хотя небольшія количествомъ французскія брошюры Хомякова, въ которыхъ

(*) Когда зарождается новая вѣра, то часто любовь и вѣрность вырываются какъ дурная трава.

полемически развивалъ онъ все свое религіозно–философское міросозерцаніе, тотъ вѣроятно сразу понялъ, какая непроходимая бездна отдѣляла славянофильство отъ ученій мрака.

Но славянофильство было теорія и, какъ всякая теорія, влеклось роковымъ процессомъ къ крайнимъ результатамъ. Западничество отвергало все значеніе нашей исторической и бытовой жизни до реформы Петра; славянофильство отвергло всякое значеніе реформы, кромѣ вреднаго, — оно забыло, что еслибъ даже спали мы въ продолженіе болѣе полутора ста лѣтъ, мы, спавши, все–таки видѣли сны, примѣривали себя къ грезившимся намъ идеаламъ, развивали наши духовныя силы или возможности въ борьбѣ хотя бы и съ призраками, — и стало быть просыпаемся или проснемся не тѣми, какими легли, а съ извѣстнымъ запасомъ благо или не благо, но все–таки приобрѣтенныхъ данныхъ, которыя непременно должны лечь въ основы нашей

новой жизни, какъ предѣль, его же не преjdeши.

Въ пылу битвы за свое отрицаніе реформы, славянофильство само иногда роняло нѣсколько случайныхъ словъ въ защиту такихъ явленій до-петровскаго быта, которыя никакими общечеловѣческими идеалами не оправдываются. Эти слова подхватывали на лету и противники, т. е. западники, и непрошенные товарищи, т. е. адепты мрака. Тѣ и другіе, съ различными конечно цѣлями, развивали ихъ до крайнихъ крайностей. Явилась напр. въ какомъ-то сельскохозяйственномъ журналѣ злобная выходка противъ русской бабы. Въ выходкѣ, кромѣ злобы, все было справедливо: антиизящныя и антинравственныя черты несчастной подруги русскаго челоѣка схвачены были съ самою ядовитою мѣткостью и выставлялись на позоръ съ безпощаднымъ цинизмомъ. Славянофильство было оскорблено фешенебльнымъ тономъ этой выходки, оскорблено въ святомъ своемъ

чувствѣ, въ любви и уваженіи къ народу; но въ пылу негодованія вооружилось не на тонъ, а на сущность выходки. Вооружившись на тонъ, оно было бы совершенно право; вооружившись на сущность, оно вовлеклось роковымъ процессомъ въ крайность теоріи. Оно вступилось напр. за святость и духовность брачнаго союза, возстало на чувства и пониманіе брачныхъ отношеній автора выходки — и увы! тутъ ужь дошедши до скандала, могло смѣло вести принципъ славянофильства до той грани, что по *новымъ* началамъ жизни *новаго* славянскаго міра, брачное сожителство должно основываться не на влеченіи и любви, а чуть ли не на взаимномъ отвращеніи, pour la mortification de la chair, а это была уже такая грань, на которой ученіе славянофильства сходилось съ ученіями мрака. Мы взяли одинъ только фактъ, наиболѣе рѣзкій и о которомъ память еще свѣжа, ибо онъ принадлежитъ къ 1856 или 1857 году; а такихъ фактовъ, такихъ роковыхъ увлеченій теоріею,

славянофильство имѣеть за собою довольно. Въ средѣ слѣпыхъ его послѣдователей, даже батоги и правезь стараго быта находили защитниковъ, хотя надобно сказать правду, защита эта была всегда вызываема борьбою съ беспощаднымъ отрицаніемъ западниковъ.

Къ этому надобно еще присовокупить, въ видѣ облегчительныхъ обстоятельствъ, какъ для западниковъ, такъ равно и для славянофиловъ, то, что борьба между ними шла не на открытомъ полѣ; что по большей части всѣ важные и существенные вопросы науки и жизни должны были высказываться и оспариваться въ какихъ-то мистическихъ формахъ. Зачастую дѣло шло вовсе не о томъ, о чемъ шла рѣчь. Нерѣдко противники не понимали другъ друга, въ особенности же западники славянофиловъ, — чѣмъ только и можно объяснить жесточайшую вражду къ славянофильству Бѣлинскаго, вражду, которая впрочемъ въ послѣднее время его жизни, какъ свидѣтельствуяютъ нѣкоторыя

его письма, начинала переходить въ чувство совершенно противоположное.

Хотя Шекспиръ и говорить отъ лица своего Энобарба въ «Антоніѣ и Клеопатрѣ», что

Время

Всегда на то, что происходитъ въ немъ;

но едва ли есть сомнѣніе и въ томъ, что

бываютъ времена

Совсѣмъ особеннаго свойства,

что бываютъ времена совершенно парализующія или обезплодивающія всякія силы — времена безвыходной тьмы, подземной работы силъ, въ которыя нерѣдко то, что должно было бы идти рука объ руку, разъединено, толкаетъ одно другое, враждуетъ одно съ другимъ. Такихъ грустныхъ эпохъ не мало въ исторіи человѣчества.

Дѣло въ томъ, что какъ передъ западничествомъ стоялъ высокій, передовой

идеаль жизни, идеаль честно проносимый
сквозь всю безразсвѣтную тьму такими
благородными дѣятелями, каковы были
напримѣръ П. Я. Чаадаевъ,
В. Г. Бѣлинскій, Т. Н. Грановскій; такъ и
передъ глубокомысленными, даровитыми
или высокосамоотверженными личностями,
составлявшими славянофильство, каковы
Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ, — стояль
идеаль, тоже передовой, а вовсе не задній.

II

Исходная точка западничества
заклучалась въ увлеченіи всѣмъ, что
человѣчество выработало великаго и
прекраснаго въ XVIII столѣтїи своей
обновленной жизни. Кругомъ себя оно не
видало не только отраженій этого великаго
и прекраснаго, но не слыхало даже
положительныхъ отзывовъ на него.
Исходною точкою и положеніемъ въ
настоящемъ опредѣлились и крайнія грани
той теорїи, за которую оно должно было
схватиться, какъ за единственную доску

спасенія. Тамъ — свѣтъ; здѣсь — мракъ безвыходнаго невѣжества; и такъ къ свѣту, на просторъ, какъ тотъ мѣдный всадникъ, въ обаятельно-грозной личности котораго трудно разочароваться намъ всѣмъ, даже до сихъ поръ, даже послѣ всѣхъ разоблаченій страшныхъ, окружающихъ ту личность и неотдѣлимыхъ отъ нея фактовъ — и трудно именно потому, что этотъ мѣдный всадникъ все-таки полнѣйшій въ добрѣ и злѣ представитель нашего духа... Такъ и пошло западничество, пошло смѣло, честно, рѣшительно, съ перваго же шага.

Никогда ничего прямѣе и смѣлѣе не сказало оно того, что сказало съ этого перваго шага, въ знаменитомъ письмѣ П. Я. Чаадаева, появившемся, по вѣчной ироніи судьбы, въ журналѣ, котораго редакторъ Н. И. Надеждинъ былъ однимъ изъ поборниковъ славянской народности до того, что готовъ былъ защищать даже кулакъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ одной изъ молодыхъ рецензій Бѣлинскаго въ «Молвѣ», однимъ изъ жаркихъ

сторонниковъ и ревностныхъ дѣятелей славянофильства въ продолженіе всей своей высокополезной жизни. Письмо Чаадаева, помѣщенное имъ, какъ любопытное своей новостью исповѣданіе убѣжденій, было тою перчаткою, которая разомъ разъединила два, дотолѣ если несоединенные, то и неразъединенные лагеря мыслящихъ и пишущихъ людей. Въ немъ впервые *неотвлеченно* поднять былъ вопросъ о значеніи нашей народности, самости, особенности, до тѣхъ поръ мирно покоившійся, до тѣхъ поръ ни кѣмъ не тронутый и не поднятый.

Для того, чтобы понять дѣйствіе и значеніе письма Чаадаева, нужно бросить бѣглый взглядъ на исторію отношеній литературы нашей къ народности съ самаго начала ея, нашей гражданской литературы, т. е. съ Тредьяковскаго и Ломоносова.

Прежде всего сказать должно, что до 1836 года, никто изъ писателей и поэтовъ, отъ Ломоносова до Пушкина включительно, не сомнѣвался въ нашей народности, т. е. въ томъ, что мы извѣстная народность,

особенность, самость. XVIII столѣтіе въ Европѣ вообще чуждалось вопроса о народностяхъ, проникнутое вѣрою въ прогрессъ и въ отвлеченное челоѣчество; но объ насъ даже и этого сказать нельзя. Какъ племя совершенно новое, только что вошедшее въ обще-міровую жизнь, мы болѣе или менѣе сознавали себя новымъ и особымъ племенемъ. Идя, въ передовыхъ нашихъ людяхъ мысли и дѣла, по пути петровской реформы, преслѣдуя невѣжество, ханжество и тупую жизнь съ Кантемиромъ, стремясь на проломъ къ свѣту и образованію съ Ломоносовымъ, — мы однако съ Щербатовымъ оглядывались и назадъ и отъ «всеобщаго развращенія нравовъ» искали опоръ въ старыхъ основахъ жизни; мы съ Фонъ-Визинимъ до циническаго юмора были русскими даже за границей; мы съ великимъ дѣятелемъ прогресса Новиковымъ (предисловіе къ изданію Виоліоѣики) вмѣняли въ стыдъ и поношеніе незнаніе жизни и письменности доблестныхъ предковъ. Когда во всей остальной Европѣ царило рабское служеніе

французской мысли и рабское подражаніе образцамъ французской литературы; когда никто не думаль и думать даже не хотѣль тамъ о томъ, какъ мыслятъ, чувствуютъ, живутъ, поютъ и вѣрятъ *необразованныя* массы, называемыя «народами»; когда прошедшее Европы, все до эпохи великаго короля, провозглашено было на судѣ Вольтера варварскимъ и только интересовало записныхъ учоныхъ, — у насъ Чулковъ и Новиковъ издавали сборники народныхъ пѣсень и сказокъ, да еще издавали, сравнительно съ послѣдующими издателями, крайне добросовѣстно, по возможности мало или даже вовсе ничего не измѣняя; у насъ Новиковъ издавалъ Древнюю Виѳліофику не для ученыхъ спеціалистовъ, а положительно для всѣхъ любящихъ серьезное и разумное чтеніе людей, сначала даже (въ первомъ изданіи) какъ изданіе ежемѣсячное — замѣтьте это и найдите мнѣ въ остальной Европѣ тогдашней подобное, съ такою именно *целью* веденное изданіе! Самъ Тредьяковскій, назвавшій нѣсколько разъ

народную рѣчь *подлою* рѣчью (помимо того обстоятельства, что слово: подлый, т. е. «подолый», «низменный», не имѣло еще тогда своего теперешняго значенія), самъ Тредьяковскій, говорю я, проговаривался, такъ, болѣе какъ лакей, чѣмъ какъ писатель и учоный. Какъ писатель, онъ изучалъ тщательно и церковный языкъ и народную рѣчь. Ломоносовъ, пламенный поборникъ реформы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ жизни и учоной дѣятельности ярымъ борцомъ за нашу умственную независимость и самостоятельность. Сатирическая литература наша равно относилась съ обличеніемъ и къ мрачнымъ явленіямъ стараго быта, и къ пустымъ явленіямъ обезьянства и фальшиваго, поверхностнаго образованія, — едвали даже къ этимъ послѣднимъ явленіямъ не съ бльльшею рѣзкостью, — начиная отъ самого Кантемира, первороднаго сына реформы. Великая Императрица собирала русскія пословицы, а въ комедіяхъ своихъ боролась съ обезьянствомъ столько же, сколько и съ предрасудками стараго быта. Замѣьте,

повторяю, что всѣ эти явленія совершались тогда, когда Германія въ лицѣ Готшеда отрекалась вполнѣ отъ своей умственной самости въ пользу французскаго направленія. Правда, что въ ней уже образовывалась и борьба за самостоятельность въ лицѣ Клопштока и его друзей, клявшихся быть древними германцами передъ Ирминовымъ столбомъ. У насъ ничего этого не было еще — ни отрицанія нами нашей народности, ни борьбы за нее, — и клятвамъ юныхъ товарищей Клопштока передъ IrminsKule суждено было у насъ повториться только послѣ 1836 года въ равнозначительныхъ явленіяхъ, каковы: ношеніе древнихъ святославокъ и мурмолокъ.

Такое спокойное отношеніе наше къ нашей народности въ XVIII вѣкѣ вовсе впрочемъ не должно быть вмѣнено намъ въ какую-либо особенную заслугу, и тѣмъ еще менѣе конечно слѣдуетъ изъ этого, чтобы мы опередили остальную Европу въ духовномъ развитіи. Этотъ выводъ былъ бы

очень лестень для нашей народной гордости, но мало справедливъ.

Значить это просто, что мы были племя еще новое, еще свѣжее, еще — говоря по необходимости философскимъ языкомъ — невышедшее изъ своей непосредственности. Значить это также и то, что реформа вовсе не совершилась *ex abrupto* и разомъ, что вовсе съ одной стороны не была она для насъ такъ чужда и *удивительна*, не поразила такъ нашего сознанія, чтобы раздвоить въ немъ сразу для насъ самихъ два міра — міръ нашей до-петровской и міръ нашей послѣ-петровской жизни; а съ другой стороны, вовсе не такъ цѣльна и мгновенна, чтобы разомъ разрушить наши связи съ старымъ бытомъ. Кто знакомъ съ сочиненіями Посошкова, тотъ знаетъ конечно, какіе реформаторы, даже подчасъ беспощадные, и при Петрѣ и вѣроятно еще до Петра, таились въ средѣ народа, но знаетъ также и то, что эти реформаторскія стремленія, послѣдовательныя въ своемъ утилитаризмѣ до дикости, до проведенія китайскаго уровня и однообразія во всемъ

быту, смѣля до крутыхъ мѣръ (аще сто, другое судей падеть не лиха бѣда), идутъ рука объ руку съ самымъ узкимъ и непосредственнымъ націонализмомъ, съ запретительными торговыми системами, съ враждою къ иноземцамъ и съ глумленіемъ надъ ними, въ особенности надъ нѣмцами...

Разъединеніе нашего сознанія съ допетровскимъ бытомъ совершалось постепенно. Въ нравахъ и въ быту общественномъ господствовало рѣшительно двоевѣріе: явленія старой жизни въ самыхъ ужасающихъ ея крайностяхъ шли объ руку съ подражаніемъ Франціи. Образование и передовыя понятія рѣшительно брались только на прокатъ; все, что добросовѣстно хотѣло прилагать ихъ къ жизни, гибло. Въ литературѣ лирическое, или лучше сказать, ходульное направленіе воспѣвало «Росса, родъ великодушный»; сатирическое глумилось надъ двоевѣріемъ, и ни передъ лириками, ни передъ сатириками не стояло въ сознаніи никакого опредѣленнаго, живого, такъ сказать, уловимаго идеала ни народнаго, ни обще-европейскаго.

Созерцаніе жизни величайшаго лирика той эпохи, Державина, сводится все въ такія общія положенія, которыя на половину тождественны съ началами созерцанія церковной письменности, на половину же внушены идеями просвѣщенія (*der Aufklärung*), т. е. общимъ духомъ, общимъ вѣяніемъ столѣтія: таковъ Державинъ парадно въ *возвышенномъ* настроивѣ; — на распашку же, въ анакреонтическомъ родѣ онъ просто эпикуреецъ, да только не эпикуреецъ—философъ какъ Горацій, не эпикуреецъ по прирожденному художественному наслажденію жизнию какъ грекъ Анакреонъ, а просто—на—просто русскій татаринъ, съ сильною чувственною фантазією восточнаго чловѣка, разбавленною грязноватымъ юморомъ непристойныхъ пѣсень и сказокъ русскаго народа. У величайшаго представителя сатирической струи, у Фонъ—Визина идеала тоже нѣтъ: мы видимъ только, что комикъ смѣется, смѣется безпощадно и равно—зло надъ ханжествомъ совѣтника и надъ обезьянствомъ Иванушки, смѣется въ

этомъ послѣднемъ лицѣ надъ ученіями французскихъ философовъ XVIII вѣка; но во имя чего онъ смѣется, этого мы не видимъ. Здоровый русскій разсудокъ, проникающій до послѣдней строки все, что писалъ Фонъ-Визинъ — самъ по себѣ сообщаетъ его произведеніямъ только отрицательное свойство. Идеала нѣтъ еще передъ Фонъ-Визинымъ, тогда какъ о Грибоѣдовѣ напримѣръ, и тѣмъ паче о Гоголь, вы уже этого не скажете. Правосудовы и другія честныя лица Фонъ-Визина — чисто азбучныя правила, представители здраваго разсудка — не болѣе, а не какихъ-либо стремленій и идей, имѣющихъ плодъ и цвѣтъ.

И это потомучто какъ лирикъ Державинъ, такъ и комикъ Фонъ-Визинъ по натурѣ художники, т. е. люди съ чутьемъ жизни, съ бессознательно-практическимъ ея пониманіемъ. Чего не было въ жизни, того они и не дали — ни созерцанія, ни идеаловъ.

Искатели идеала, люди съ стремленіями общественными, или въ отчаяніи отодвигали

идеаль назадъ въ прошедшее, какъ Щербатовъ, или предавались безотвѣтнымъ порывамъ къ будущему, какъ Радищевъ. И въ сущности, ни Щербатовъ не былъ отсталымъ, ни Радищевъ передовымъ человѣкомъ. Какъ тотъ, такъ и другой не выносили только двоевѣрія общественнаго и прямо возставали на то, что имъ, исключительно-честнымъ, но нисколько не даровитымъ, не необыкновеннымъ людямъ, казалось развратомъ и ложью, тогда какъ всѣ другіе беззаботно и слѣпо увлекались окружававшей ихъ жизнью и развѣ только глумились во имя здраваго разсудка, т. е. чисто только отрицательно, надъ комическими явленіями общественнаго и нравственнаго двоевѣрія.

Достойно между тѣмъ замѣчанія то обстоятельство, что въ лицѣ Щербатова и Радищева, какъ бы заранѣе обозначались два будущихъ лагеря мысли. Честный, хотя почти бездарный историкъ, равно какъ благородный и пламенный, но тоже почти бездарный публицистъ — оба въ сущности искатели идеаловъ, — только у одного

идеаль лежитъ въ прошедшемъ, у другаго — положительно разрозненъ со всякою дѣйствительностью, чѣмъ и объясняется малое сочувствіе къ нему Державина въ его эпоху и Пушкина въ другую.

Указывая на двѣ эти личности, я конечно не хочу сказать, чтобы въ нихъ выразились уже два стремленія послѣдующаго времени, т. е. славянофильство и западничество, хотя нельзя не видѣть и стало быть нельзя не указать на тотъ знаменательный фактъ, что стремленіе къ идеалу съ разу же выразилось у насъ въ двухъ формахъ, въ положительной привязанности къ старинѣ и въ отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности.

Въ сущности, двухъ лагерей еще и не могло тогда образоваться. Взглядъ на жизнь нашего XVIII столѣтія вовсе не былъ такъ разрозненъ со взглядомъ допетровскаго времени, какъ взглядъ XIX столѣтія. Щербатову было очень легко проникнуться жизненными идеалами временъ до реформы; ибо самые эти идеалы еще носились въ воздухѣ. Въ жизни

руководились русскіе люди еще все тѣми же нравственными правилами, какъ въ допетровское время. Другія правила, другіе взгляды брались только на прокатъ... Этимъ объясняется и то, что историческій *тонъ* Щербатова и Татищева гораздо ближе къ тону нашихъ лѣтописей, чѣмъ тонъ Карамзина; этимъ же объясняется и возможность изданія Новиковымъ памятниковъ древней письменности для общаго чтенія.

И между тѣмъ изъ новиковской школы, по вѣчной ироніи судьбы, вышелъ человекъ, которому суждено было начать въ литературѣ и въ самой жизни раздѣленіе между старымъ и новымъ возрѣніемъ. Я говорю о Карамзинѣ...

Славянофильство почему-то присвоивало себѣ почти исключительно это великое и почтенное имя; но его точно съ такимъ же правомъ можетъ присвоить себѣ и западничество.

Первоначальная дѣятельность Карамзина въ его «письмахъ русскаго путешественника», въ его повѣстяхъ и журнальныхъ статьяхъ,

конечно ужь никакъ не можетъ быть названа славянофильскою, и не даромъ вызвала она такое сильное противодѣйствіе со стороны поборниковъ старины, во главѣ которыхъ стоялъ Шишковъ и которые впрочемъ тоже не могутъ быть названы славянофилами въ смыслѣ современныхъ славянофиловъ. Карамзинъ въ первую и вторую даже эпоху своей дѣятельности, до 1812 года, является первымъ вполне живымъ органомъ обще-европейскихъ идей, и его дѣятельность впервые прививаетъ ихъ къ нашей общественной и нравственной жизни. И это по той простой причинѣ, что онъ былъ первый живой и дѣйствительный талантъ въ русской литературѣ, за исключеніемъ комика Фонъ-Визина: одами Державина, хотя и доказывающими несомнѣнное присутствіе огромнаго, но безобразнаго таланта, — можно было восхищаться только по заказу; стало быть въ жизнь, въ плоть, въ убѣжденіе онъ переходили столь же мало, какъ Россіада бездарнаго Хераскова, какъ трагедіи Княжина. Ничѣмъ этимъ нельзя

было *жить* нравственно, потому что все это только *сочинялось*, и вся российская словесность до Карамзина, за исключением комедій Фонъ–Визина и нѣсколькихъ удачныхъ сатирическихъ попытокъ, была рядомъ «выдуманныхъ сочиненій.»»

Карамзинымъ же и его дѣятельностью общество начало жить нравственно. Онъ внесъ живую струю въ жизнь, какъ живой и дѣйствительный талантъ. Вотъ, кажется мнѣ, простое обстоятельство, которое однако всегда забывали, исчисляя множество заслугъ Карамзина и часто даже ихъ преувеличивая, между тѣмъ какъ одного этого достаточно для того, чтобы поставить Карамзина во главѣ нашего дѣйствительнаго и стало быть народнаго литературнаго движенія. Онъ первый нравственно подѣйствовалъ на общество, далъ литературѣ воспитательное и руководительное значеніе... Его дѣйствіемъ на современниковъ объясняется и фанатизмъ его отчаянныхъ приверженцевъ и поклонниковъ, каковъ на примѣръ былъ

еще не очень давно умершій и наивный до смѣшного Иванчинъ—Писаревъ.

Для насъ, людей этой эпохи, въ Карамзинѣ почти—что ничего не осталось такого, чѣмъ бы мы могли нравственно жить хотя одинъ день; но безъ толчка, даннаго литературѣ и жизни Карамзинымъ, мы не были бы тѣмъ, чѣмъ мы теперь.

Струя, которую внесъ Карамзинъ въ общественную жизнь и нравственность, была струя сентиментальная, струя общеврожденная тогдашней эпохѣ. Нужды нѣтъ, что въ тогдашней общественной эпохѣ эта струя была не одна; нужды нѣтъ, что наравнѣ съ великимъ женеvскимъ чудакомъ — если не больше — цариль надъ умами великій отрицатель и пересмѣшникъ, фернейскій философъ; нужды нѣтъ, что благородная муза Шиллера уже сказывалась тогда своими пламенными и юношескими звуками, звавшими къ любви и братству; нужды нѣтъ, что Эммануэль Кантъ, своими категоріями по видимому ограничивая человѣческій разумъ, прокладывалъ ему широкую дорогу, —

нужды нѣтъ, говорю я, что ничего этого не отразилось въ дѣятельности Карамзина. Для пробужденія общества отъ нравственной апатіи было довольно и того, что онъ далъ. «Волтеріанство» въ азіатскомъ быту переводилось какъ право все дѣлать и ничего нравственно не бояться: стремленія Шиллера были бы непонятны, — а ужъ до Канта куда было какъ далеко!..

Талантъ вполнѣ, талантъ чуткій и глубоко-впечатлительный, Карамзинъ вѣроятно безсознательно, какъ всякій талантъ, далъ обществу то, что было ему нужно... Не далѣе, какъ за нѣсколько десятковъ строкъ, я сказалъ, что для насъ въ Карамзинѣ почти ничего не осталось, но готовъ почти взять назадъ свои слова, какъ только перенесся я въ его эпоху и въ лѣта собственнаго отрочества, какъ только припомнилъ «письма русскаго путешественника». Бѣлинскій, подъ вліяніемъ тѣхъ великихъ идей, которыми онъ пламенно увлекался, и еще болѣе подъ вліяніемъ необходимости ратоборствовать противъ фанатическихъ поклонниковъ

Карамзина, уже нѣсколько смѣшныхъ, но еще существовавшихъ въ его время (въ его время — припомните это! въ тридцатые годы XIX вѣка!!), Бѣлинскій, говорю я, попрекалъ эту книгу ея пустотою, вопіялъ на то, что мимо русскаго путешественника проходили незамѣченными величавѣйшія явленія тогдашней западной жизни, а мелочныя напротивъ занимали у него первый планъ... Все это такъ, все это совершенно справедливо съ нашей, современной, такъ сказать, приподнятой точки зрѣнія, а все-таки «письма русскаго путешественника» книга удивительная, и читая ее, эту книгу, даже теперь, вы понимаете, *что* она должна была сдѣлать съ тогдашнимъ обществомъ. *Впервые* русскій человѣкъ является въ ней не книжно, а душевно и сердечно сочувствующимъ общечеловѣческой жизни, — приходитъ въ эту общечеловѣческую жизнь не дикаремъ, а сыномъ! Вспомните записки Фонъ-Визина о его путешествіи, эти гениально-остроумныя замѣтки дикаго человѣка,

человѣка, такъ сказать, съ хвостомъ звѣринымъ, ходящаго и лелѣющаго свой хвостъ съ примѣрнымъ попеченіемъ, какъ еще многіе изъ нихъ доселѣ его холятъ и лелѣютъ... Вѣдь право мало разницы въ міросозерцаніи Лихачева и Чемоданова (посланниковъ Алексѣя Михайловича въ Тоскану и Венецію) и въ міросозерцаніи Фонъ–Визина. Ему также, какъ Лихачеву и Чемоданову, все не–наше кажется чуднымъ и надъ всѣмъ не–нашимъ онъ острится, острится великолѣпно, но грубо... Звуки польскаго языка въ варшавскомъ театрѣ кажутся ему подлыми; о цѣлой великой націи замѣчаетъ онъ только, что «разсудка французъ не имѣеть, да и имѣть его почоль бы за величайшее несчастіе»; въ энциклопедистахъ видитъ онъ только людей жадныхъ до денегъ изъ чужого кармана...

И вотъ посреди этого общества, котораго талантливѣйшій выразитель такъ упорно отстаиваетъ свою исключительность и особность, — является юноша съ живымъ сочувствіемъ ко всему доброму, прекрасному и великому, что выработалось

въ общечеловѣческой жизни. Этотъ юноша стоитъ въ уровень со всѣми высокообразованными людьми тогдашней Европы, хотя и не понимаетъ еще уединенныхъ мыслителей Германіи, не смѣетъ еще вполне отдаться ея начинающимъ великимъ поэтамъ. Человѣкъ своей эпохи, человѣкъ французскаго образованія, онъ однако, уже достаточно смѣлъ для того, чтобы съ весьма малымъ количествомъ тогдашнихъ образованныхъ людей поклоняться пьяному дикарю Шекспиру, достаточно проницателенъ, чтобы зайти поклониться творцу «критики чистаго разума» и, хоть о пустякахъ, да поговорить съ нимъ... На все, что нашлось тогда въ воздухѣ его эпохи, отозвался онъ съ сочувствіемъ, и главное—то дѣло, что сочувствіе это было сочувствіе живое, а не книжное... Въ Европу изъ далекой гиперборейской страны впервые пріѣхалъ европеецъ, и впервые же русскій европеецъ передалъ своей странѣ свои русско—европейскія ощущенія, передалъ не поучительнымъ, докторальнымъ тономъ, а

языкомъ легкимъ, общепонятнымъ... Точка, съ которой передаетъ онъ ощущенія, дѣйствительно очень невысока, но зато она вѣрна, она общепонятна, какъ самый его языкъ.

«Письма русскаго путешественника», а затѣмъ сентиментальныя повѣсти и сентиментальныя же разсужденія Карамзина — перевернули нравственныя возрѣнія общества, конечно той части общества, которая была способна къ развитію. Все это оставляло по себѣ *слѣдъ*, чего рѣшительно нельзя сказать о нашей литературѣ послѣ-петровскаго времени до самаго Карамзина... Понятно, что его дѣятельность возбудила сильный антагонизмъ во всемъ, что держалось крѣпко за старыя понятія, антагонизмъ отчасти и правый, но вообще слѣпой.

Антагонизмъ выразился въ Шишковѣ и его послѣдователяхъ. Они стояли за старый языкъ противъ новаго языка, впервые введеннаго Карамзинымъ, языка легкаго, текучаго, но дѣйствительно на первый разъ лишоннаго имъ всякой энергіи. Великій

стилисть доказаль имъ в послѣдствіи, въ какой степени мастеръ онъ владѣть и языкомъ величавымъ и энергическимъ. Шишковъ и его послѣдователи въ сущности сами не знали, за что они стояли. Самъ Шишковъ, какъ извѣстно, былъ одною изъ благороднѣйшихъ личностей той эпохи, но филологъ онъ былъ весьма плохой и постоянно смѣшивалъ славянскій языкъ съ дѣланымъ и передѣланнымъ языкомъ библейскимъ. Въ сущности, оппозиція шла не противъ языка Карамзина, а противъ новыхъ нравственныхъ понятій, вносимыхъ имъ въ жизнь общественную. Съ понятіями же этими поборники стараго порядка вещей дѣйствительно не могли не бороться.

Карамзинъ по тогдашнимъ своимъ идеямъ принадлежалъ къ тому же самому направленію, какъ и благородный, но не практическій интузіастъ Радищевъ. Радищевъ не могъ подѣйствовать на жизнь и общество, потомучто прямо приступилъ къ нимъ съ самымъ крайнимъ и строгимъ идеаломъ цивилизаціи, съ ея послѣдними по тогдашнему времени требованіями.

Карамзинъ, какъ талантъ практическій, началъ дѣйствовать на нравственную сторону общества и въ этой дѣятельности тоже въ первую эпоху шолъ до крайностей. Его «Софья» возбуждала благочестивый ужасъ, но между-тѣмъ читалась жадно. Его болѣе благоразумныя, чѣмъ эта юношеская драматическая попытка, повѣсти, моральныя разсужденія и статьи въ сущности имѣли одну задачу — смягчить *жестокіе* (по выраженію Кулигина в «Грозѣ») нравы, его окружавшіе, и въ развитыхъ организаціяхъ общества достигали этой цѣли, даже пожалуй и переступали ее, т. е. не только смягчали, но и размягчали нравы...

Понятно, что поборникамъ старыхъ идеаловъ, поборникамъ «жестокихъ», но крѣпкихъ нравовъ — такое размягченіе казалось растлѣніемъ, и оппозиція Шишкова, принявшая формы борьбы между *старымъ* и *новымъ* слогомъ, имѣла причины болѣе глубокия, чѣмъ стилистику, причины нравственныя.

Въ этой оппозиціи впервые выразилось нѣчто похожее на такъ называемое славянофильство.

Но хотя наши современные славянофилы и готовы считать — дѣйствительно впрочемъ благороднаго и честнаго адмирала, — однимъ изъ своихъ отцовъ, но между его стремленіями и ихъ стремленіями цѣлая бездна. Стремленія Шишкова и его партіи, послѣдовательно оканчивающіяся «Маякомъ» и даже пожалуй «Домашней Бесѣдой», — выходятъ изъ началъ темныхъ и мрачныхъ... Стремленія же И. В. Кирѣевскаго и Хомякова подають руку не «Маяку» и не «Домашней Бесѣдѣ», а тому просвѣщенному и возвышенному направленію, которое въ послѣднее время такъ могущественно заявило себя глубокомысленной и краснорѣчивой книгой архимандрита Феодора.

Имѣла или нѣтъ оппозиція вліяніе на Карамзина — трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно совершился переломъ въ его дѣятельности. Поклонникъ Руссо,

онъ становится въ своей «Исторіи Государства Россійскаго» совершенно инымъ человѣкомъ. Будущимъ біографамъ великаго писателя предлежитъ трудъ разъяснить эту поистинѣ странную разницу между Карамзинымъ—историкомъ и Карамзинымъ—публицистомъ и журналистомъ.

Трудъ этотъ впрочемъ, какъ мнѣ кажется, вовсе незатруднителенъ.

Карамзинъ, какъ великій писатель, былъ вполне русскій человѣкъ, человѣкъ своей почвы, своей страны. Сначала онъ приступилъ къ жизни, его окружавшей, съ требованіями высшаго идеала, идеала выработаннаго жизнію остального человѣчества. Идеаль этотъ конечно оказался несостоятеленъ передъ дѣйствительностью, которая окружала великаго писателя... Въ этой дѣйствительности можно было или только погибнуть какъ Радищевъ, какъ болѣе практическій, чѣмъ Радищевъ, человѣкъ — Новиковъ, либо... не то что ей подчиниться, но обмануть ее.

Да... обмануть! Это настоящее слово.

И Карамзинъ это сдѣлалъ. Онъ обманулъ современную ему дѣйствительность.

Онъ сталъ «историкомъ Государства Россійскаго»; онъ, можетъ быть сознательно, можетъ быть нѣтъ, — вопросъ трудный для разрѣшенія, ибо талантливый человекъ самъ себя способенъ обманывать, — онъ подложилъ требованія западнаго человѣческаго идеала подъ данныя нашей исторіи, онъ *первый* взглянулъ на эту странную исторію подъ европейскимъ угломъ зрѣнія.

Воззрѣніе его было, если вы хотите, неправильно, но оно было цѣльно, было основано на извѣстныхъ крѣпкихъ началахъ, и эти начала — главная причина того, что оно до сихъ поръ еще имѣетъ послѣдователей.

Карамзинъ смотритъ на событія нашей исторіи точно такъ же, какъ современные ему западные писатели смотрятъ на событія исторіи западнаго міра, иногда даже глубже ихъ: это можно сказать безъ всякаго народнаго пристрастія, потому что

современные ему западные историки весьма неглубоко смотрѣли на прошедшее... Въ этомъ его слабость и въ этомъ, если хотите, его сила, даже передъ современниками. Въ немъ еще нѣтъ той мысли, что мы — племя особенное, предназначенное къ иному, нежели другія племена человѣчества. Общія его эпохѣ идеи привноситъ онъ съ собою въ русскую исторію, и это самое дѣлаетъ его исторію, помимо ея недостатковъ, однимъ изъ вѣчныхъ памятниковъ нашего народнаго развитія...

Может быть, всѣ изысканія Карамзина неправильны или должны быть дополнены, но всѣ его *сочувствія* въ высшей степени правильны, потому что они общечеловѣческія. Великая честь Карамзину, что и въ голову ему не приходило оправдывать Ивана Грознаго въ его тиранствахъ, порицать Тверь и великій Новгородъ въ ихъ сопротивленіи, какъ дѣлаютъ во имя условныхъ теорій наши современные историки... Въ безобразно ли фальшивой (по требованіямъ нашего времени) повѣсти: «Марѳа Посадница», въ

краснорѣчивыхъ ли страницахъ о паденіи великаго Новгорода, — Карамзинъ остается вѣрнымъ самому себѣ и общечеловѣческимъ идеямъ... Это великая заслуга, повторяю опять, и этимъ отчасти объясняется фанатизмъ къ карамзинскому созерцанію русской жизни благороднѣйшихъ личностей.

Его исторія была, такъ сказать, пробнымъ камнемъ нашего самопознанія. Мы (говоря совокупно, собирательно) съ нею росли, ею мѣрялись съ остальною Европою, мы съ нею входили въ общій круговоротъ европейской жизни.

Не даромъ же легла она какъ тяжелый камень на дѣятельность цѣлыхъ поколѣній, не даромъ же испортила она величайшее созданіе Пушкина: «Бориса Годунова» и образовала цѣлую литературу историческихъ романовъ...

Да! Это была дѣятельность могучая, дѣятельность вполне живая, вполне перешедшая въ жизнь, *первая*, перешедшая въ жизнь, послѣ петровской реформы. Пора это сознать, пора воздвигнуть памятникъ

великому мужу, вполне его достойный, памятникъ, который не гласилъ бы о томъ, чего онъ не далъ и дать не могъ, но который за то исчислялъ бы все, что онъ сдѣлалъ для нашего развитія.

Батюшковъ когда-то сравнивалъ Ломоносова съ Петромъ великимъ, но это сравненіе гораздо больше идетъ къ Карамзину, чемъ къ Ломоносову. Карамзинъ былъ первый европеецъ между русскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ первый истинно русскій писатель, за исключеніемъ комика Фонъ-Визина. Это исключеніе я припоминаю постоянно, потому только впрочемъ, что комизмъ есть исключительная, особенная способность русскаго ума, способность одинаково сильная во всѣ времена — у Данила Заточника столько же, какъ у Дениса Фонъ-Визина...

Между тѣмъ, однако, нашъ первый великій писатель является и въ своей первоначальной и въ своей послѣдующей дѣятельности проводникомъ общаго, стало быть западнаго, образованія. Нужды нѣтъ,

что тонъ его, чуждый міросозерцанія нашихъ лѣтописей въ первыхъ томахъ его исторіи, крѣпнеть и растетъ въ послѣдующихъ до преобращенія въ лѣтопись въ послѣднемъ; нужды нѣтъ, что чѣмъ болѣе сливается онъ съ старой Русью, тѣмъ болѣе становится онъ русскимъ; онъ все-таки русскій европеецъ, онъ участникъ великой жизни, совершавшейся на западѣ Европы...

Въ этомъ для насъ, потомковъ и наслѣдниковъ великаго мужа, его значеніе. Увы! тщетно хотѣли бы мы возвратиться къ временамъ давно-минувшимъ. Татарское и московское иго, оба въ сущности равносильныя, оторвали насъ отъ нихъ невозвратно; палъ великій Новгородъ, палъ пригородъ его Псковъ, и только созданія истинныхъ поэтовъ, какъ Мей, напоминаютъ намъ о ихъ славномъ существованіи...

И только Карамзинъ въ настоящее время (подумайте объ этомъ: въ настоящее время!!) остается настольною книгою для

всѣхъ, кто не утратилъ любви и благоговѣнія къ жизни предковъ...

А между тѣмъ этотъ великій писатель былъ проводникъ европейскаго, общечеловѣческаго развитія, по крайней мѣрѣ въ лучшую, въ *не* старческую эпоху его дѣятельности...

За нимъ послѣдовалъ другой великій писатель — *Жуковский*. Это свѣтлое и благородное имя, давно, какъ-будто *per tacitum consensum*, по какому-то преднамѣренію — *исчезло* въ нашей литературѣ. О немъ никто не вспоминаетъ, какъ-будто бы его не было. Между тѣмъ этотъ высоко-замѣчательный поэтъ внесъ новую струю въ нашу литературу и посредствомъ ея (благодарность Карамзину, сроднившему жизнь съ литературой) въ нашу жизнь. Это была струя романтическая, струя тревожныхъ, едва опредѣленныхъ ощущеній, шевелящихъ и раздражающихъ, ничего не дающихъ и къ чему-то безвѣстному влекущихъ; струя, изливающаяся сладкозвучной, прекрасной, поэтической

рѣчью; струя, роднившая насъ со всѣмъ истинно—поэтическимъ, что пережито на западѣ. Жуковскій былъ нашъ отзывъ на всю поэзію запада, какъ Карамзинъ былъ нашъ отзывъ на всю кипучую умственную дѣятельность западной жизни. Въ нихъ обоихъ сказались наши силы пониманія, силы сочувствія...

И вотъ вслѣдъ за ними явился «поэтъ», явилась великая творческая сила, равная по задаткамъ всему, что въ мірѣ являлось не только великаго, но даже величайшаго: Гомеру, Данту, Шекспиру — явился Пушкинъ.

Я не могу и не хочу здѣсь коснуться значенія Пушкина, какъ нашего величайшаго народнаго поэта, величайшаго представителя нашей народной фізіономіи. Я беру здѣсь только моральный процессъ, совершившійся въ его натурѣ и для насъ высоко поучительный. Пушкинъ началъ, не скажу съ подражанія, но съ поклоненія Байрону, съ протеста противъ дѣйствительности, и Пушкинъ же кончилъ «Повѣстями Бѣлкина», «Капитанской

дочкой» и проч., стало быть смиреніемъ
передъ дѣйствительностью, его
окружавшей. Еще прежде «Повѣстей
Бѣлкина» и «Капитанской дочки» поэтъ, въ
Онѣгинѣ, обѣщаль намъ

Поэму пѣсенъ въ двадцать
пять...

Дѣтей условленныя
встрѣчи,

У старыхъ липъ, у
ручейка, и т. д.

Еще прежде грозилъ онъ намъ, великій
протестантъ, давшій намъ «уголовныхъ
преступниковъ» (по толкованію «Маяка» и
«Домашней Бесѣды») въ видѣ «Плѣнника»,
«Алеко», «Мазепы», — примиреніемъ съ
дѣйствительностью, какова она есть:

Теперь милѣй мнѣ
балалайка,

Передъ порогомъ кабака,

Да пьяный топоть
трепака...

Мой идеаль теперь
хозяйка,
Да шей горшокъ, да самъ
большой.

Мы долго ему не вѣрили въ его
разубѣжденіяхъ... Наконецъ онъ выступилъ
передъ нами совершенно новый, но
одинаково великій какъ и прежде, въ
своихъ новыхъ созданіяхъ, въ
«Капитанской дочкѣ», «Лѣтописи села
Горохина»...

Мы изумились. Предъ нами предсталъ
совершенно новый человекъ. Великій
протестантъ умалился до лица Ивана
Петровича Бѣлкина, до лица, хотя
нѣсколько иронически, но все-таки
подчиненнаго окружающей его
дѣйствительности...

Что же это такое? спрашиваю я васъ, мои
читатели, — спрашиваю *честно*, съ
полнымъ желаніемъ, чтобы вы дали мнѣ
отвѣтъ и разрѣшеніе... Мнѣ, излагающему
передъ вами безъ страха и сомнѣнія всѣ

мои размышленія о нашей литературѣ и о нашемъ общественномъ развитіи...

Пушкинъ, создающій идеалы протеста, «Плѣнника», «Алеко», «Онѣгина», «Мазепу», — и Пушкинъ, пишущій «Лѣтопись села Горохина», «Повѣсти Бѣлкина», «Капитанскую дочку»...

Но, — и въ этомъ главная сила, — Пушкинъ, въ тоже самое время пишущій «Каменнаго гостя», «Дубровскаго» и множество лирическихъ произведеній, на которыхъ какъ нельзя болѣе очевидно присутствіе протеста...

Пушкинъ былъ весь — стихія нашей духовной жизни, отраженіе нашего нравственнаго процесса, выразитель его, столько же таинственный, какъ сама наша жизнь...

Замѣчательно, что со смерти его собственно начинается раздвоеніе двухъ лагерей.

III

Всѣмъ предшествовавшимъ очеркомъ хотѣлъ я показать только то, что до конца пушкинской эпохи, вопросъ о нашей народности и ея значеніи вовсе даже и не возникалъ въ литературѣ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ возникъ онъ и развился въ эпоху послѣдующую.

Бѣлинскій въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» — своей первой, значительной по объему и содержанію статьѣ называетъ эпоху ему современную романтически-народнымъ періодомъ литературы; но эпитетъ «народный» не играетъ въ этомъ названіи особенно-важной роли, не имѣетъ особенно-рѣшительнаго значенія, не дѣлитъ еще мыслящихъ людей на два лагеря. И. В. Кирѣевскій, одинъ изъ главныхъ будущихъ поборниковъ славянофильства, выступаетъ на поприще статьею о движеніи литературы въ «Денницѣ» 1834 года, отличающейся только первымъ и притомъ глубокомысленнымъ приложеніемъ идей германской философіи къ разсматриванію развитія нашей умственной жизни, и журналомъ

«Европеецъ», котораго продолжать онъ не могъ по независявшимъ отъ него обстоятельствамъ, но который и по названію и по направленію, уже рѣзко обозначившемуся съ первой книжки, долженъ былъ основательно, серьёзно и глубоко вводить насъ въ кругъ европейской мысли и развитія. Если въ литературѣ и являлась въ то время оппозиція, то въ двухъ, по сущности впрочемъ сходныхъ формахъ: въ оппозиціи Пушкина и его друзей, круга избранныхъ литераторовъ — промышленной литературѣ, въ оппозиціи нѣсколько аристократической и потому не всегда правой, — и въ оппозиціи серьёзныхъ, дѣйствительно ученыхъ людей, немногихъ глубокихъ мыслителей, во главѣ которыхъ стояли Кирѣевскій и Надеждинъ, каждый впрочемъ по своему и другъ отъ друга независимо, — поверхностному, наскоро нахватанному образованію, представителемъ котораго былъ Н. А. Полевой. Оппозиція эта — гордая и уединенная въ Кирѣевскомъ и его друзьяхъ, рѣзкая въ Надеждинѣ и его

«Телескопъ», тоже не была во всѣхъ пунктахъ права, ибо не признавала огромныхъ заслугъ Полеваго и его направленія. Къ ней примкнулъ, тогда еще юный, Бѣлинскій, потомучто и не къ чему иному было ему примкнуть, — примкнулъ впрочемъ только тогда, когда Н. И. Надеждинъ изъ ожесточеннаго зоила Пушкина, изъ Никодима Недоумки «Вѣстника Европы» обратился съ первой же книжки своего «Телескопа» въ ревностнаго и почти единственнаго поклонника поэта за его «Бориса», холодно принятаго публикою и журналами.

Но ни одна изъ тогдашнихъ оппозицій и не подымала даже вопроса о народности нашей, т. е. о томъ, дѣйствительно ли мы имѣемъ, можемъ имѣть, выразили ли и выразимъ ли свою самостоятельность умственную и нравственную въ ряду другихъ европейскихъ самостоятельствъ. Вопросъ этотъ казался легокъ и простъ, именно потому, что никѣмъ еще не былъ смѣло и честно поднятъ, казался даже порѣшеннымъ и порѣшеннымъ такими

людьми, какъ Надеждинъ и Бѣлинскій. Эпоху пушкинскую они называли романтически-народною, т. е. считали, что съ нея именно начинается заявленіе нами нашей своеобразности, и кромѣ того еще потому, что современная европейская литература послѣ реставраціи была романтически-народною во Франціи, а въ Германіи стала таковою еще раньше. Въ ихъ убѣжденіи было много истиннаго, по крайней мѣрѣ, что касается до народнаго значенія Пушкина, гораздо больше истиннаго, чѣмъ въ новѣйшихъ вопросахъ, задаваемыхъ почтеннымъ критикомъ «Отечественныхъ Записокъ» на счетъ народности Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ было много и наивнаго. Историческіе романы, между прочимъ, изъ которыхъ самыя лучшія лажечниковскія, представляли смѣсь самую странную немногаго правдиваго со многимъ фальшивымъ. Самыя смѣлыя, какъ романы Полеваго, были ничто иное какъ полемическія выходки, облеченныя въ рассказы; а самыя добродушныя и

пользовавшіеся наибольшимъ успѣхомъ за свою яко бы народность — романы Загоскина изображали понятія и нравы екатерининскихъ временъ, съ поддѣлкой подъ языкъ простонародья, безъ малѣйшаго знанія этого языка. Эти безобразные романы, родившіеся на Руси только потому, что въ Англіи былъ Вальтеръ—Скоттъ, а у насъ появилась исторія Карамзина, считались тогда однимъ изъ признаковъ романтически—народнаго направленія. Надъ дюжинными изъ нихъ, выходившими мириадами, смѣялись, но о загоскинскихъ и въ особенности о лажечниковскихъ, запечатлѣнныхъ дѣйствительно могущественнымъ, хотя какимъ—то страннымъ, не представлявшимъ никакой соразмѣрности талантомъ, писались цѣлыя и весьма серьёзные статьи. Пушкинъ и его кружокъ, подъ его конечно вліяніемъ, по какому—то чутью, болѣе чѣмъ по опредѣленному, на изученіи основанному смыслу, мало сочувствовали представленію народности въ тогдашнихъ историческихъ романахъ: что—то говорило имъ, что тутъ

есть сильная фальшь, и они, какъ выразился одинъ изъ нихъ, не имѣли ни малѣйшаго удовольствія читать изображенія предковъ, снятыя по прямой линіи съ кучеровъ ихъ потомковъ. Въ этой фразѣ, отзывавшейся нѣсколько аристократизмомъ, было много вѣрнаго. Еслибъ дѣйствительно народъ, хотя бы даже и современный: купечество, крестьянство, давалъ романистамъ нашимъ краски для изображенія быта, языка и нравственныхъ понятій предковъ, то въ этихъ краскахъ была бы хоть доля истины, потомучто въ народѣ есть органическое единство съ прошедшимъ; но романисты наши собственно съ тѣмъ, что называется народомъ, были вовсе незнакомы. Между тѣмъ вліяніе фальшиво-народнаго направленія было такъ сильно, что даже люди съ сильно-поэтическимъ даромъ и глубокимъ философско-историческимъ смысломъ, приносили ему посильныя жертвы, какъ Хомяковъ въ своемъ «Дмитріѣ Самозванцѣ» и «Ермакѣ»; что даже люди, спеціально знакомые съ

нашимъ историческимъ бытомъ, какъ Погодинъ, писали историческіе драмы, повторяя въ нихъ, не смотря на собственныя основательнѣйшія изученія, помимо можетъ быть своей воли, изображенія отлитыя весьма искусно, хотъ и невѣрно, историкомъ Государства Россійскаго.

Въ предшествовавшемъ отдѣлѣ, я съ величайшею искренностью писалъ чуть что не панегирикъ Карамзину; ибо дѣйствительно когда смотришь только на его талантъ и на великое значеніе его дѣятельности въ отношеніи къ нашему духовному развитію — на него нельзя смотрѣть иначе; но что касается до пониманія и представленія нашей народности, то Карамзинъ является по справедливости же главнѣйшимъ источникомъ всѣхъ нашихъ ошибокъ по этой части, всѣхъ нашихъ ложныхъ литературныхъ отношеній къ этому весьма важному для насъ дѣлу. Сила таланта его, какъ историка, такова, что она могла наложить свою печать даже на неизмѣримо

выше Карамзина стоявшую личность — на Пушкина и испортить во многом одно изъ высшихъ его созданий; что она породила, при пособіи вліянія вальтеръ—скоттовской формы, цѣлую ложную литературу; что она въ наукѣ даже, въ историческихъ изысканіяхъ, могла парализировать такую силу, какъ сила Погодина, и заставить ее двигаться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ.

Дѣло въ томъ, что Карамзинъ былъ да и до сихъ поръ есть — единственный у насъ историкъ—художникъ, историкъ отлившій наши историческіе образы въ извѣстныя яркія, ясныя формы.

Формы эти долго тяготѣли надъ нашимъ сознаниемъ. Возстать противъ нихъ пытались скептики, но руководимые однимъ слѣпымъ отрицаниемъ, часто смѣшнымъ до наивности, являшіеся съ сигналомъ, что у насъ «ничего не было», и нисколько не отвѣчавшіе на вопросъ неминуемый: что же у насъ въ такомъ случаѣ было? ничего не могли сдѣлать. Скептическое направленіе уложилъ на вѣчный покой Погодинъ

простымъ афоризмомъ, что множеству нашихъ князей съ ихъ разными семейными связями труднѣе было быть выдуманнми, чѣмъ существовать на самомъ дѣлѣ, — хотя этотъ афоризмъ разбивалъ скептиковъ только въ наружномъ проявленіи ихъ мысли, въ томъ, что у насъ чуть ли не до Ивана III ничего не было. Въ сущности же скептики, сами впрочемъ того не зная, хотѣли только сказать, что у насъ ничего не было такого, какимъ является оно у Карамзина, и въ этомъ были правы, по крайней мѣрѣ на цѣлую половину, если не больше. Пытался возставать на Карамзина Арцыбышевъ — своднымъ и буквальнымъ изложеніемъ лѣтописей; но положительная бездарность и можетъ быть рановременность попытки, сдѣланной до изданія въ свѣтъ главныхъ источниковъ нашей исторіи, были причиною неуспѣха. Пытался наконецъ возставать Полевой — попыткою чисто полемической исторіи. Въ наше и притомъ недавнее время вошло въ моду придавать чрезмѣрное значеніе не только журнальной, но и исторической

дѣятельности Н. А. Полеваго, какъ въ эпоху тоже недавнюю, было въ модѣ унижать эту замѣчательную дѣятельность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность Н. А. Полеваго въ первую, московскую ея половину — остается навсегда въ исторіи нашего развитія; нѣтъ сомнѣнія, что и полемическая его исторія имѣла большое значеніе, какъ протестъ и отрицаніе; но чтобы она внесла что-либо положительное въ пониманіе нашей народности, въ этомъ да позволено будетъ усомниться. Всѣ приемы Полеваго въ его манерѣ историческаго изображенія — чисто отрицательные, — подниманіе того, что у Карамзина унижено, и униженіе того, что у Карамзина поднято, — манера до дѣтства, часто до смѣшного отрицательная. Онъ постоянно за тѣхъ, кого Карамзинъ представляетъ въ черныхъ краскахъ, за Олега Святославича противъ Мономаха, за Давида Игоревича Волынскаго противъ Василька Ростиславича; въ позднѣйшія времена за Шемяку; за этого послѣдняго въ особенности, такъ что Полевой не

удовлетворился одной исторіей и протестовалъ за Шемяку въ романѣ и т. д. Постоянно играя на отрицательной струнѣ, естественно, что Полевой во многихъ случаяхъ является правымъ, но работа его — чисто случайная. Прибавьте къ этому наскоро и едва усвоенныя идеи Тьерри, Нибура и другихъ историковъ, прямо ex abrupto приложенныя къ нашей исторіи, — наглый тонъ самохвальства, тонъ, въ которомъ слышно даже не фанатическое увлеченіе теоріями, а просто желаніе «выкинуть», говоря рядскимъ языкомъ, «особенное колѣнцо», блеснуть самостоятельностью взгляда, пониманія и представленія, — и вы поймете, что не только «Вѣстникъ Европы» скептика Каченовскаго, но даже «Московскій Вѣстникъ» Погодина, помѣстившій на своихъ страницахъ жесткую статью Арцыбышева объ исторіи Карамзина и печатавшій отрывки его оппозиціоннаго своднаго историческаго изложенія — разразились при появленіи перваго тома «Исторіи Русскаго народа» статьями

яростными до нарушенія всякой благопристойности.

Мы же теперь, далекіе отъ фанатическихъ поклоненій и отъ ненавистей той эпохи, можемъ казаться сказать только то, что на удачу, дѣйствуя отрицательно, часто весьма справедливо, Полевой положительныя ложныя формы Карамзина замѣнялъ столь же ложными, только въ другой формѣ, такъ сказать помоднѣе, и, по натурѣ нисколько не художникъ, побуждаемый къ таковой замѣнѣ не творчествомъ, а однимъ протестомъ, и притомъ не фанатическимъ, а чисто самолюбивымъ, не сумѣлъ придать своимъ формамъ даже и наружнаго блеска. Дѣло пониманія нашей народности онъ нисколько не подвинулъ впередъ, да и карамзинскихъ формъ представленія разбить не могъ. Эти формы продолжали тяготѣть надъ нашимъ сознаниемъ.

Разбить ихъ магическую силу могло только ближайшее и притомъ болѣе общее знакомство нашего сознанія съ непосредственными источниками нашей исторіи и нашего народного быта. Изданіе

ихъ предоставило это право нашей эпохѣ, считая ее съ конца сороковыхъ годовъ, и освобожденіемъ ея отъ карамзинскихъ формъ пониманія народности мы обязаны ничему иному, какъ именно этому обстоятельству. Труды нашихъ ученыхъ по этой части — сколь эти труды ни важны и ни почтенны, — важны преимущественно тѣмъ, что прямо знакомили насъ съ источниками, и останутся достояніемъ потомства не въ теоретическихъ выводахъ, а именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они прямо знакомили съ источниками. Личныхъ образовъ на мѣсто карамзинскихъ труды эти намъ не дали и дать не могли; цѣльнаго, художественнаго представленія нашей исторіи и народной физіономіи взамѣнъ прежняго, блестящаго и ложнаго, мы не получили. Одно искусство только, силами ему данными, въ наше время начинаетъ, преимущественно въ дѣятельности Островскаго, выводить передъ насъ образы, на которыхъ лежитъ яркое клеймо нашей народной особенности въ томъ видѣ, какъ она уцѣлѣла: искусству же будетъ, по

всей вѣроятности, принадлежать и честь примиренія нашего настоящаго съ нашимъ прошедшимъ, проведенія между тѣмъ и другимъ ясной для всѣхъ, органической связи.

Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Дѣло въ томъ, что карамзинскія формы представленія нашей народности въ ея цѣлости и органическомъ единствѣ для насъ разрушены. Мы пошли дальше — и видимъ яснѣе.

Карамзинъ, какъ талантъ, нуждался въ цѣлостномъ представленіи, и какъ талантъ, взялъ за основу формъ для своего представленія формы, которыя представляло ему его время, на которыхъ онъ воспитался, которыми глубоко проникся, формы общезападныя доблести, величія, чести и проч. Проникнутый насквозь, какъ впечатлительнѣйшая натура своего времени, общими началами европейскаго образованія, онъ къ нашему быту и къ нашей исторіи находился уже совершенно въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ Татищевъ и Щербатовъ. Тѣ были еще

весьма мало, даже почти вовсе не разъединены съ возрѣніями предковъ, съ началами и, такъ сказать, съ тономъ ихъ быта. Карамзинъ былъ уже человѣкъ оторванный, человѣкъ захваченный внутренно общечеловѣческимъ развитіемъ и потому безсознательно послѣдовательно прилагавшій его начала къ нашей исторіи и быту, однимъ словомъ — къ нашей народности, и этимъ объясняется, что онъ, глубоко и добросовѣстно изучавшій источники, имѣвшій ихъ подъ руками болѣе чѣмъ всѣ прежде его писавшіе и почти столько же, сколько мы, — постоянно однако обманываетъ самъ себя и своихъ читателей аналогіями и постоянно скрываетъ самъ отъ себя и отъ читателей все неаналогическое съ началами и явленіями западной, общечеловѣческой жизни... Приступая къ нашей исторіи, онъ какъ-будто робѣетъ съ самаго предисловія, что она не похожа на общеевропейскую, робѣетъ за ея утомительность и однообразіе и спѣшитъ поскорѣе заявить ея блестящія

доблестями или трагическими моментами и личностями мѣста...

Онъ никогда почти не ошибается и тутъ въ своемъ указаніи доблестей, въ своемъ чутьѣ трагическихъ и грандіозныхъ моментовъ, въ направленіи своихъ сочувствій; но эти доблести, борьбу и трагическіе моменты описываетъ онъ тономъ, не имъ свойственнымъ, а тономъ свойственнымъ ихъ западнымъ аналогіямъ... Между тѣмъ тонъ его, какъ тонъ челоѣка высокоталантливаго, оригиналенъ и носитъ на себѣ печать изученія источниковъ, хотя и односторонняго, печать обманувшую всѣхъ забывшихъ уже Татищева и Щербатова, его современниковъ, способную обмануть всякаго незнакомаго нисколько съ лѣтописями и памятниками. Для всякаго же, при малѣйшемъ знакомствѣ съ таковыми, ну, хоть даже послѣ прочтенія одной только Кіевской (Ипатьевской) да офиціально Московской (Никоновской) лѣтописи — эта печать исчезаетъ. Доблестныя лица Владиміра Мономаха,

двухъ Мстиславовъ и т. д. остаются точно доблестными, но доблесть ихъ получаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ доблести западныхъ героевъ, получаетъ совершенно особенный тонъ, колоритъ. Въмѣсто общихъ, классическихъ фигуръ передъ нами встаютъ живые типы, — типы, въ чертахъ которыхъ, въ простодушномъ разсказѣ лѣтописцевъ, мы, не смотря на сѣдой туманъ древности, ихъ окружающій, признаемъ нерѣдко собственныя черты народныя. Съ другой стороны передъ нами выдвигаются тоже типически такія личности и такія доблести, которыя передъ Карамзинымъ прошли незамѣтными: благодушная и озаренная сіяніемъ смиренія фигура послѣдняго «законнаго» (по старому наряду) кievскаго нарядника, Ростислава Мстиславича, который постоянно, по чувству законности, уступая первенство «старыямъ старѣйшимъ», дѣлается наконецъ великимъ княземъ для того только, чтобы умереть эпически—торжественно... Не говоря уже о томъ, что Карамзинъ, увлеченный, вовсе не понималъ федеративной идеи, блестящую

минуту развитія которой представляет нашъ XII вѣкъ и которую, безъ «попущенія» Божія, въ видѣ татаръ, ждало великое будущее, не понялъ городской жизни и значенія князей, какъ нарядниковъ. Этого и въ наше время многіе изъ историковъ, даже оказавшихъ значительныя услуги наукѣ, не понимаютъ или не хотятъ понять. Карамзинъ, — и въ этомъ его великая заслуга, его безсмертное значеніе, — не приносилъ по крайней мѣрѣ этихъ идоло-жертвенныхъ требъ, не смотрѣлъ на татарское иго, на паденіе Твери и Новгорода, на Ивана Грознаго и проч. какъ на явленія, существенно необходимыя для нашего развитія. Ко всякому злу, — является ли оно въ видѣ событія или личности, — относится онъ прямо, безъ теоріи. Дѣло въ томъ только, что къ доблестямъ и злу относится онъ съ точекъ зрѣнія, выработанныхъ XVIII вѣкомъ, а не приравнивается къ міросозерцанію лѣтописцевъ. Отъ этого доблести и великія событія получаютъ у него фальшиво-грандіозный характеръ; къ

злу же относится онъ съ тѣмъ раздраженіемъ, съ какимъ лѣтописецъ не относится. Стоитъ припомнить напримѣръ его разсказъ о защитѣ Москвы, оставленной Димитріемъ въ жертву Тохтамышу, «героемъ» Остеемъ и жителями и сопоставить этотъ величавый разсказъ съ наивнымъ до цинизма разсказомъ Никоновской лѣтописи. Героизмъ—то и останется, но подробности, которыя окружаютъ этотъ героизмъ передъ читателемъ, придадутъ ему совершенно особенный характеръ, нашъ народный колоритъ... Съ другой стороны въ исторіи напримѣръ междоцарствія, — а всѣми признано, что въ послѣднихъ томахъ своихъ Карамзинъ несравненно болѣе, чѣмъ въ первыхъ, проникается духомъ, языкомъ и тономъ лѣтописей, — совершенно правое негодованіе историка на измѣнниковъ («воровскихъ людей» по грамотамъ и лѣтописямъ) опять страждетъ тономъ своимъ для всякаго, кто знаетъ, какъ напримѣръ лѣтопись на одной страницѣ говоритъ о какомъ—нибудь

Заварзинъ, какъ о «воровскомъ человѣкѣ», называя его уменьшительною кличкою, а черезъ страницу величаетъ его уже по имени и отчеству, не помня зла, когда онъ перешолъ на сторону праваго, земскаго дѣла... Но, опять повторяю, Карамзинъ, совершенно разорвавшійся съ міросозерцаніемъ быта до реформы, глубоко проникнутый началами общечеловѣческаго образованія, не могъ смотрѣть иначе: въ исторіи междуцарствія онъ увлекся однимъ только «сказаніемъ» Авраамія Палицына, который, какъ человѣкъ, по своему времени высокообразованный и стало быть имѣвшій справедливый или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ *цѣльный* взглядъ на жизнь и событіе, былъ ближе къ нему, чѣмъ простодушные лѣтописцы и современныя грамоты...

Указывая на эти немногія, но, какъ кажется мнѣ, довольно рѣзкія черты непониманія народности нашей Карамзинымъ и фальшивости его представленія народности, я опять долженъ

повторить, что фальшивое представлѣніе было все-таки цѣльное, художественное представлѣніе, давало образы хотя и отлитые въ общія классическія формы, но отлитые великолѣпно и твердо поставленные... Когда на такого гиганта какъ Пушкинъ, обладавшаго непосредственно глубокимъ чутьемъ народной жизни, могъ подѣйствовать карамзинскій образъ «Бориса», чтожь должны были дѣлать другіе?..

Другіе — преклонялись и *jurabant in verba magistri* — развивали идеи учителя и совершенно были этимъ довольны, — довольны до того, что одинъ изъ высшихъ представителей нашего сознанія, Бѣлинскій, въ юношески-пламенной статьѣ своей, называлъ свою тогдашнюю эпоху литературы романтически-народною, съ ея дюжинами являвшимися и выкроенными изъ Карамзина историческими романами, дикими историческими драмами и т. д.

И въ эту-то минуту общаго самообольщенія, раздѣляемаго даже и высшими представителями сознанія, въ

минуту юношескихъ вѣрованій въ то, что мы поймали наконецъ нашу народность, входимъ съ нею, очищеною, умытою и причесанною въ общій кругъ міровой жизни, — въ эту минуту явился человекъ, который не силой дарованія, но силой убѣжденія, и притомъ чисто-теоретическаго, разсѣялъ разомъ это самообольщеніе, разбилъ безжалостно и безтрепетно вѣрованія и надежды.

Да! теоретики иногда бываютъ очень нужные люди, часто великіе люди, какъ П. Я. Чаадаевъ.

Онъ былъ вдобавокъ еще теоретикъ католицизма, стало быть самый безжалостный, самый послѣдовательный изъ всѣхъ возможныхъ теоретиковъ... Фанатически вѣря въ красоту и значеніе западныхъ идеаловъ, какъ единственно-человѣческихъ, западныхъ вѣрованій, какъ единственно-руководившихъ человѣчество, западныхъ понятій о нравственности, чести, правдѣ, добрѣ, — онъ холодно и спокойно приложилъ свои данныя къ нашей исторіи, къ нашему быту, — и отъ перваго

прикосновенія этихъ данныхъ разлетѣлись прахомъ воздушные замки. Ясный и обширный умъ Чаадаева, соединенный съ глубоко-правдивой натурой и нашедшій себѣ притомъ твердыя точки опоры въ теоріяхъ, выработанныхъ вѣками, — съ разу разгадалъ фальшь представленій о нашей народности. Нисколько не художникъ, а мыслитель-аналитикъ, онъ не могъ обольститься карамзинскими аналогіями.

Фанатикъ, какъ всякій неопитъ, онъ имѣлъ смѣлость сказать, что въ насъ и въ нашей исторіи и въ нашей народности — нѣтъ «никакихъ» идей добра, правды, чести, нравственности, что мы — отщепенцы отъ человѣчества. «Никакихъ» на его языкѣ значило — западныхъ, — и въ этомъ смыслѣ онъ былъ *тогда* совершенно правъ. Силогизмъ его былъ простъ.

Единственно-человѣческія формы жизни суть формы, выработанныя жизнію остального, западнаго человѣчества.

Въ эти формы наша жизнь не ложится, или ложится фальшиво, какъ у Карамзина.

Слѣдовательно...

Вотъ именно это слѣдовательно и раздѣлилось на два вывода:

Слѣдовательно, сказали одни, мы не люди, и для того чтобы быть людьми, должны отречься отъ своей самости. Изъ этого *слѣдовательно* вытекла теорія западничества, со всѣми ея логическими послѣдствіями.

Слѣдовательно, сказали другіе, болѣе смѣлые и рѣшительные, наша жизнь — совсѣмъ иная жизнь, хоть не менѣе человѣческая, шла и идетъ по инымъ законамъ, чѣмъ западная.

Два лагеря раздѣлились и каждый повелъ послѣдовательно и честно свое дѣло.

А. ГРИГОРЬЕВЪ